

МЭРИ ДЖО ПАТНИ

МОЙ ЛЮБИМЫЙ
ШПИОН

Издательство АСТ
Москва

*Посвящается Нику,
большому поклоннику моих книг,
профессору экономики и зятю.
Спасибо за такое обилие поддержки
и энтузиазма на протяжении долгих лет!*

Глава 1

*Лондон,
февраль 1815 года*

Для шитья дневного света уже не хватало, хоть Сюзанна и устроилась под окошком своей комнаты. Англия намного севернее тех мест, где она жила раньше, и теперь, в середине зимы, дни здесь были короткими и зачастую пасмурными или дождливыми. Придется ей купить свечи, чтобы успеть к концу недели перешить одежду.

Она отложила шитье, встала и потянулась. Пожалуй, короткая прогулка будет кстати. День выдался промозглый, ее старенькая накидка согревала плохо, но ей нравилась сама возможность выходить из дома когда вздумается.

На лестнице, за дверью комнаты, загрохотали уверенные шаги, и Сюзанна тотчас узнала почтенную поступь хозяина дома, мистера Поттера. Постучав в дверь, он возгласил:

— Мадам Дюваль, здесь некто утверждает, что он ваш кузен, полковник Дюваль. Он внизу, в гостиной. У вас есть кузен в чине полковника?

Весьма удивленная, Сюзанна открыла дверь. После недавних ужасных событий она не представляла, кто из ее родственников еще жив и чем занимается.

— Вполне возможно, — ответила она. — Но все же мне надо сначала увидеть его. Полагаю, вид у него респектабельный, иначе вы не впустили бы его в дом.

— У него вид солдата — следовательно, на святого он не похож, — проворчал хозяин до-

ма. — Я пойду с вами — на случай если вы захотите, чтобы я выпроводил его.

Сюзанна с благодарностью кивнула: мистер Поттер неустанно заботился о безопасности дам, живущих у него в пансионе. Именно поэтому она предпочла поселиться здесь.

Стащив митенки, которые надевала, чтобы руки не мерзли во время шитья, Сюзанна наспех пригладила темные волосы и, оправляя на плечах шаль, связанную на спицах, подумала, что теперь уже собственная внешность не являлась для нее вопросом жизни и смерти.

Покинув комнату, Сюзанна спустилась следом за хозяином по узкой лестнице. Открыв дверь в небольшую гостиную, она увидела мужскую фигуру — заложив руки за спину, гость смотрел в окно: очевидно, изучал неприглядные окрестности пансиона. Поджарый и сильный с виду, он и впрямь обладал армейской выправкой, а его волнистые темные волосы давно уже требовали стрижки. Когда же он обернулся на скрип двери, в движении его было что-то знакомое. Испытующе взглянув на Сюзанну, он замер.

Она, ошеломленная, тоже застыла. О боже, Жан-Луи! Однако же...

Ведь ее муж мертв: она собственными глазами видела, как его убили. Кроме того, Жан-Луи был вдвое старше ее, когда они поженились. А этот мужчина заметно моложе ее мужа...

Лишь обратив внимание на его бесстрастные светло-серые глаза, Сюзанна вспомнила младшего троюродного брата своего мужа. На момент ее замужества Симон Дюваль был еще мальчишкой, всего на несколько лет старше ее, совсем еще юной невесты, но его явное фамильное сходство с ее мужем не вызывало сомнений в их родстве. И сейчас, присмотревшись, Сюзанна заметила, что Симон чуточку выше и шире в плечах, чем был Жан-Луи.

6 Спohватившись, она проговорила:

— Рада встрече, Симон. Или следует обращаться к вам «месье граф»?

— Так это и впрямь вы, кузина Сюзанна? — с мягким и насмешливым удивлением отозвался гость. — Знаете, Хокинс не упоминал, называли вы себя графиней де Шамброн или нет. Но если вы действительно графиня, то я отнюдь не граф, просто ваш дальний родственник по мужу, который чрезвычайно рад видеть вас живой и здоровой.

По-английски он говорил без малейшего французского акцента, и Сюзанна вспомнила, что его мать англичанка.

— Я уже не считаю себя графиней, а вот вы вполне могли стать графом де Шамброном, ведь в семье моего мужа почти никого не осталось в живых. — Это была сущая правда, но правда была и в том, что тот мир, в котором титулы французской аристократии хоть что-нибудь да значили, казался теперь невысказанно далеким. Помолчав, Сюзанна добавила: — Мистер Поттер представил вас как полковника. А какой армии: британской, французских роялистов или французской императорской?

Симон криво усмехнулся.

— Сколько возможностей! Британской. Впрочем, я намерен продать свой офицерский патент теперь, после отречения императора. — Он едва заметно улыбнулся, склоняясь над рукой Сюзанны и подхватывая ее совершенно французским жестом. — Рад видеть, что вы в добром здравии и стали еще прекраснее, чем когда-либо прежде. Знаете, а я слышал, вы погибли.

Его рука была теплой, сильной... и надежной, как показалось Сюзанне.

— А вы, Симон, льстец, как истинный француз, — произнесла она с ответной улыбкой. — Я давно уже не наивная юная невеста и несколько раз побывала на волосок от смерти. Но, как видите, выжила.

Хозяин дома откашлялся, и только сейчас Сюзанна заметила, что он наблюдал сцену их встречи, стоя в дверях.

— Мадам Дюваль, полагаю, вам с полковником есть что обсудить, так что я принесу вам чаю.

— Это было бы чудесно, мистер Поттер, — ответила Сюзанна.

Хозяин удалился, а она присела у камина и подбросила в него скупой отмеренный совок угля.

— Нам и впрямь предстоит наверстать немало упущенного, кузен. Ведь прошло... не меньше двенадцати лет, не так ли?

Симон Дюваль был одним из многочисленных гостей на ее свадьбе с графом де Шамброном, а сама Сюзанна, в то время пятнадцатилетняя, ослепленная галантностью Жана-Луи, трепетала от восторга, сделав такую блестящую партию. Поскольку Симон приходился ей почти ровесником, за несколько дней перед свадьбой между ними сложились шутливо-дружеские отношения, но с тех пор, казалось, прошла целая жизнь.

Устроившись в кресле перед камином, Сюзанна спросила:

— Как вы меня нашли?

— Благодаря капитану Габриэлю Хокинсу. — Симон сел напротив нее. — Несколько лет назад нам с ним довелось вместе пережить одно волнующее приключение в Португалии, а недавно мы случайно встретились. Когда обменялись новостями, я узнал, что он только что вернулся из поездки в Константинополь, и Габриэль сказал, что в числе пассажиров судна были и вы.

Сюзанна невольно вздрогнула и спросила:

— А он не упоминал о моих обстоятельствах?

Чуть помедлив, Симон тихо проговорил:

— Он сказал, что вы побывали в гареме одного могущественного и продажного до мозга костей турецкого чиновника и оказали неоценимую помощь при

спасении двух англичанок, в том числе — юной леди, ныне приходящейся ему женой.

Все это были сухие факты, и Сюзанна очень надеялась, что Хокинс ничего к ним не прибавил.

— А он взамен спас меня и привез сюда, — пробормотала она.

— Хокинс говорил, что предлагал доставить вас во Францию, но вы предпочли отправиться к родственникам-эмигрантам, нашедшим пристанище во французской общине в Сохо. — Симон окинул оценивающим взглядом сначала саму Сюзанну, затем — довольно скромную обстановку небольшой гостиной. Его мысли угадывались без труда. Состоятельные эмигранты из Франции селились в лондонском Сохо, бедняки же едва сводили концы с концами в захудалых кварталах прихода Сент-Панкрас.

Отвечая на его невысказанный вопрос, Сюзанна пояснила:

— После отречения Наполеона эти родственники вернулись во Францию за утраченным имуществом. Узнав об этом, я ничуть не удивилась... Впрочем, не важно. По мне, так лучше уж жить самой по себе в Англии, чем во Франции. Там мне не на что рассчитывать.

Симон вновь обвел взглядом убогое убранство гостиной, затем, чуть помедлив, спросил:

— Простите мне этот вопрос... но как же вы обходитесь?..

— Я хорошо шью, и мне удается находить работу. А вскоре наверняка попадется и постоянное место. — Сюзанна криво усмехнулась и добавила: — О чем я жалею, так это что не смогла захватить с собой драгоценности, которые причитались мне как фаворитке гарема! Их хватило бы на покупку собственной швейной мастерской.

— Да, верно, с деньгами все гораздо проще, — кивнул Симон, нахмурившись. — Мне вот повезло.

Моя мать — из преуспевающей семьи английских

торговцев, так что ее состояние уцелело по эту сторону Ла-Манша.

— Весьма предусмотрительно со стороны вашей матушки и ее семейства. — Сюзанна склонила голову к плечу. — Так вы здесь лишь затем, чтобы проведать дальнюю родственницу? Или вам стало скучно теперь, когда с армией покончено?

— Не то чтобы скучно... скорее я как неприкаянный, — пробормотал Симон. — Но едва Хокинс упомянул о вас, мне захотелось убедиться, что вы и впрямь та самая Сюзанна Дюваль. И очень захотелось узнать, как вы поживаете.

Вернулся мистер Поттер с подносом, уставленным чайной посудой. Поднос был оловянным, помятым, носик чайника — с отколотым краем, но домовладелец предложил гостю чай с таким видом, будто служил дворецким у герцога. К чаю было подано песочное печенье.

— Спасибо, мистер Поттер! — сердечно воскликнула Сюзанна. — Вы и ваша супруга превзошли себя.

— Рады служить, миледи. — Домовладелец кивнул и покинул комнату.

— Миледи?.. — переспросил Симон, когда Сюзанна разливала чай. — Значит, ему известно, что вы аристократка?

— Он просто демонстрирует хорошие манеры, хотя... Возможно, повлияло и ваше присутствие. — Сюзанна отпила из своей чашки и предложила собеседнику печенье. — Угощайтесь. Миссис Поттер превосходно печет их.

Симон попробовал печенье и одобрительно закивал.

— Да, и впрямь превосходное. И она не скупится на сливочное масло. — Он допил свой чай и поставил чашку, звякнув ею о блюдечко. — Хотелось бы знать, найду ли я в эмигрантских кругах давних друзей или родственников. Радушно ли вас встретили соотечественники, несмотря на возвращение ваших родных во Францию?

10 Сюзанна тихо вздохнула.

— У французской знати, эмигрировавшей в Сохо, не может быть ничего общего с женщиной, которая торговала собой в Турции.

Симон поморщился.

— Надеюсь, никому и в голову не пришло высказывать такие оскорбления вслух!

— Нет, пришло, — возразила Сюзанна. — Дамам-аристократкам. А их мужья норовили зажать меня где-нибудь в темном углу. Вот я и решила, что среди простых соотечественников здесь, в Сент-Панкресе, мне будет спокойнее.

Симон мысленно выругался.

— Вы заслуживаете большего, Сюзанна.

Она снова вздохнула.

— Если я чему-то и научилась, так это тому, что никто не «заслуживает» ничего, кроме права бороться за выживание. Уж лучше перешивать наряды здесь, сидя в холодной комнате, чем купаться в роскоши турецкого гарема и гадать, какая ночь станет для меня последней. Так что мне, пожалуй, улыбается удача. — Она с иронической усмешкой подняла свою чашку, словно провозглашая тост. — Не хотите ли выпить за мое выживание, Симон?

— Я способен на большее. — Он устремил на нее пристальный взгляд. — Выходите за меня, Сюзанна.

Глава 2

Сюзанна поставила чашку так поспешно, что ее содержимое плеснулось через край.

— Боже милостивый, Симон! Мне показалось, с виду вы в своем уме. Но теперь ясно, что я ошиблась в своих суждениях.

Он улыбнулся, наслаждаясь напевностью ее французского акцента, грацией миниатюрной, идеально сложенной фигурки и блеском волос насыщенного табачного оттенка.

— Своим предложением я изумлен не меньше, чем вы, Сюзанна. Тем не менее считаю его верным шагом.

— Но почему? — В ее изумительных зеленых глазах блеснуло любопытство. — Почему вы считаете свое предложение верным шагом?

Симон помолчал. Ответ на этот вопрос требовался и ему самому.

— Я много лет добивался поражения Наполеона, — проговорил он наконец. — Проклятый корсиканец лишил меня многих родных и любимой. А теперь с Наполеоном наконец-то покончено — надеюсь, навсегда. Что же делать солдату, когда войны завершены?

— А что делать всем остальным — выжившим? — тихо спросила Сюзанна.

Над этим вопросом он ломал голову долгие месяцы и постепенно находил ответы.

— Строить мирную жизнь. Я открою свой дом, который долго пребывал в запустении. Уберу мундир с глаз долой. Разобью сад. И женюсь. — Симон вглядывался в прелестное лицо собеседницы. Во многих отношениях она казалась чужой, но это была лишь маска, под которой скрывалась давно и хорошо знакомая женщина. — Ваша прежняя жизнь была полна тяжких утрат и треволений. Так может, теперь вам хочется того же, чего и мне?

Сюзанна встала и молча прошлась по комнате. Остановившись у окна, спиной к собеседнику, тихо проговорила:

— Мы с вами познакомились двенадцать лет назад, во времена Амьенского мира. В то время я, наивная и полная оптимизма девчонка, думала, что войнам навсегда пришел конец и теперь всех ждет радужное будущее. А потом мир вновь был ввергнут в пучину насилия и хаоса. Быть может, ваше предложение вызвано желанием возродить те времена мира и оптимизма? Но они, увы, миновали...

— Времена — да, миновали, — согласился Симон. — Но разве мы не были друзьями, хоть и знали

друг друга не так долго? Меня восхищали ваши ум и душевность, и я завидовал моему кузену, которому посчастливилось так удачно выбрать невесту. И вы, казалось, были довольны моим обществом. Неужели этого мало для начала?

— Эта связь слишком слаба, — возразила Сюзанна, поворачиваясь лицом к собеседнику. — Это было слишком давно, и теперь мы чужие друг другу.

— В самом деле? — Симон встретился с ней взглядом. — В жизни каждого из нас многое произошло, но неужели вы и впрямь считаете себя уже совершенно другим человеком? Поверьте, я очень утомлен и повидал в жизни немало, но мне кажется, в глубине души я все тот же, каким был, когда мы только познакомились.

— Пожалуй, и я осталась прежней — только где-то очень глубоко, — проговорила Сюзанна, и в глазах ее отразилась боль. — И сейчас я не знаю, смогу ли еще когда-нибудь выйти замуж, так что...

Она внезапно умолкла, и Симон, не дождавшись продолжения, нерешительно спросил:

— Но почему вы так считаете?

Он уже подумал, что Сюзанна откажется отвечать, но она вдруг со вздохом сказала:

— Годы, проведенные в гареме, где от моего умения притворяться распутницей зависело, выживу я или нет, совершенно изменили меня, возможно, навсегда. И я не уверена, что смогу когда-либо вновь испытать желание. Сейчас мне кажется, что, пожалуй, нет.

Симон внутренне содрогнулся, понимая, какой болью вызваны эти простые и откровенные слова. И вместе с тем они удивительным образом вызвали в нем ощущение родства с ней.

— Мои обстоятельства отличались от ваших, но и мне известно, как умирает желание. — На краткий миг ему вспомнилось пьянящее обоюдное безумие, которое он испытывал со своей невестой Алетт. — Для

меня желание такого рода не более чем воспоминание, погребенное вместе с другими, радостными и светлыми. Вместе с тем я способен представить себе вполне благополучный брак без физической близости. А вы, Сюзанна?

На ее лице отразилось удивление, затем — задумчивость.

— Для самой себя — да, могу представить без труда. Но вы же мужчина в цвете лет, а мне по опыту известно, что темперамент у мужчин сильнее. Что, если желание к вам вернется, а ко мне — нет? В таком случае я стану для вас досадной обузой.

Симон медлил с ответом — вопрос был весьма серьезный.

— Вы все равно останетесь моей женой и другом, — сказал он наконец. — Я ничем не оскорблю и не унижу вас. Но если все произойдет прямо противоположным образом, то есть желание вернется к вам, но не ко мне?

— Подобно вам я буду осмотрительна и ничем не опозорю ваше имя, — ответила Сюзанна и вдруг рассмеялась, лицо ее словно осветилось, и воскликнула: — Поистине французская беседа!

Симон тоже рассмеялся.

— Так и есть. Возможно, мы оба исхитримся втихомолку встречаться с любовниками на стороне. Но это лишь предположения, не более того. Все, что нам известно в данный момент, — наше нынешнее отношение к этому вопросу. И мое отношение состоит в том, что я был бы глубоко вам признателен, если бы вы согласились разделить жизнь со мной.

— Но почему? — в растерянности пробормотала Сюзанна.

Симон прекрасно понимал: шанс, что она примет его предложение, мог появиться лишь в том случае, если он проявит предельную откровенность.

— Долгие годы мне было очень одиноко, Сюзанна, — негромко проговорил он. — Когда же я во-

шел в эту комнату, первым моим чувством стала безмерная радость оттого, что вы живы. И уже в следующий миг я осознал, что не одинок.

Она испытующе вглядывалась в его лицо.

— Знаете, мне тоже теперь не так одиноко. Но что, если мы не подходим друг другу?

— Мы благопристойно двинемся каждый своим путем в рамках нашего брака, продолжая выказывать друг к другу доброту и уважение. Полагаю, в этом не будет ничего трудного. Если что и пробуждает гнев, так это страсть. А если для нас обоих страсть уже в прошлом, то мы наверняка сможем стать друзьями.

— На первый взгляд — все просто. Но жизнь редко бывает простой, — с усмешкой заметила Сюзанна.

Симон мысленно улыбнулся. Уже от одной этой беседы он почувствовал, что оживает, хоть они и расходились во мнениях.

— Вы, разумеется, правы, Сюзанна. Но не будем упускать из виду несомненную практичность моего предложения. В качестве моей жены вы могли бы жить с достаточным комфортом. Конечно, не в роскоши, подобающей графине, но все же вам бы не пришлось работать целыми днями, чтобы прокормиться.

— Не стану отрицать: звучит заманчиво, — признала Сюзанна. — Но даже в лучшем случае брак — это прыжок в неизвестность, а я вас почти не знаю. Ведь прошло столько лет...

— Все ваши доводы резонны, но нам незачем принимать решение сегодня же, — отозвался Симон. — Давайте проведем вместе некоторое время и познакомимся заново.

— Непременно! Потому что в настоящий момент вы, сэр, не кто иной, как кот в мешке.

Симон громко расхохотался.

— Я слышал о себе много нелестных отзывов, но такого — никогда. — Он указал на светлеющее небо за окном. — Солнце вот-вот выглянет. После визита